

Michael Taksar
Ithaca, New York; August 22, 1979

Когда-то лет 13 тому назад я поступил во Вторую школу. Она была предназначена для обучения математике, но там учили хорошо не только математике, но и литературе, и даже биологии. Нам попался молодой учитель биологии, который обучал нас генетике, евгенике и вообще всем почти запрещенным наукам, в то время когда в учебниках говорилось о достижениях Лысенко, очень хорошо согласованных с марксистско-ленинской философией. Очень долго мы изучали генетику, а затем перешли к евгенике, науке о наследственности человека. И вот, когда учитель объяснил теорию, вдруг раздался из зала ехидный вопрос Саши Барилы: "А практика будет?"

Лекции по математике сопровождалась упражнениями, для которых каждый из трех классов делился на две группы. (Каждая группа делилась на две подгруппы). В нашей группе старшим был Александр Дмитриевич Вентцель. Он был хорошим преподавателем, но очень ехидным. Если кто-нибудь допускал ошибку, он говорил примерно следующее: "Ну, что бы понять, что это неправильно, достаточно рассмотреть очень простой пример. Рассмотрим фигуру называемую двумерным симплексом или, в просторечии, треугольник". Далее он продолжал в таком же духе. Такой разбор ошибок был очень поучителен, и я лично больше всего вынес из этих разборов.

Как я уже сказал, у нас были очень хорошие преподаватели не только по математике, но и по литературе. Исаак Семенович Збарский был городским методистом. Он был членом партии, и высказывал «правильные» политические взгляды. Но он хорошо знал и любил литературу и был достаточно умным и тонким человеком. И он, действительно, мог заставить своих учеников полюбить литературу. Из его рассказов на уроках мне запомнился следующий факт из биографии Льва Толстого. В молодости Лев Толстой был страшным повесой, из Казанского университета его чуть ли не вышвырнули, говоря по-современному, за академическую неуспеваемость. При этом Исаак Семенович не стеснялся расходиться с официальной трактовкой этого факта. В стандартном советском учебнике писалось примерно так: "Льва Николаевича Толстого не удовлетворяла система преподавания в Казанском университете, и поэтому он решил покинуть его". На самом деле этот университет был в то время одним из лучших в России. Там работал Лобачевский, там работали великие химики того времени и очень хороший состав был на отделении восточных языков и восточной культуры, на котором учился Толстой. Мы изучали не только Шолохова,

Толстого, Тургенева, положенных по программе, но мы познакомились также с поэзией Цветаевой, Иосифа Мандельштама, Гумилева, поэтов-акмеистов.

Через 2 года после окончания школы на вечере встречи, когда мы уже были студентами 2-ого курса, собравшиеся начали вспоминать разные забавные истории. Самой забавной оказалась война Смагина и Зака. Это были два приятеля, которые учились в одном классе, но почему-то поссорились и начали остроумно пакостить друг другу. Сначала Смагин повесил объявление о том, что ищет место приходящая домработница, и дал телефон Зака. Случилось то, чего можно было ожидать. Тогда Зак не остался в долгу и расклеил объявления о том, что меняется квартира на квартиру меньшей площади. От предложений, конечно, не было отбоя. Тут Зак подписал Смагина на медицинский журнал "Акушерство и гинекология", а Смагин в ответ подписал Зака на какую-то коммунистическую газету с иероглифами, (то ли Корейскую, то ли Вьетнамскую).

Много лет спустя (кажется, лет через 10 лет после окончания школы) я узнал, что Вторую школу разогнали за вольномыслие. Одним из пунктов обвинения было то, что для школьников бы организован семинар по Марине Цветаевой. "А семинар по Светлову не было!" Директора школы уволили. Многие преподаватели ушли. Исаак Семенович Збарский, кажется, читал лекции по литературе во Дворце пионеров.

После окончания университета наши судьбы разошлись. Я попал в ЦЭМИ с двумя моими товарищами по школе Евстигнеевым и Кузнецовым. Также там оказался Натанзон. Наш друг Мятлев, после двух лет в армии устроился в лабораторию статистических методов при университете. При этом он решил поступить в заочную аспирантуру. Единственной трудностью для него был экзамен по английскому языку, который он знал не лучше корейского, китайского или японского. Экзамен обычно состоит из 2-х частей: письменный перевод с английского на русский, а затем вопросы, чтобы понять, как человек воспринимает язык на слух. Евстигнеев, который знал английский достаточно хорошо, стоял за дверью. Как только Мятлев получил текст для перевода, он отдал его Евстигнееву, тот быстро перевел, и Мятлеву оставалось только переписать. Хуже было с вопросами. Перед экзаменом ему посоветовали: если вопрос начинается со слова "Do you...?", то надо отвечать "Yes I do"; если же с этих слов вопрос не начинается, то надо уловить знакомое слово - например, если услышишь "school", то отвечай "я окончил школу в 1966-м году". Несколько стереотипов было дано, и Мятлев пошел уверенно на экзамен. Все было бы хорошо, если бы ему не сунули случайно текст на другом языке. Дело в том, что в этой аудитории сдавали три языка - немецкий, английский и французский, а тексты распределяла по номерам зачетных книжек лаборантка, которая не знала ни

одного из этих языков. Мятлеву дали, кажется, немецкий текст, который он начал читать, как если бы это был английский. Преподаватель была очень удивлена и спросила: "А какой язык вы изучали в школе?" На что Мятлев ответил "Я кончил школу в 1966-м году", после чего она решила больше с ним не возиться и спросила, будет ли достаточно тройки. Он ответил "конечно" и ушел довольный.